

На самом деле, никто не чувствовал себя спокойно.

— Не спится?

— Да. — Чаншэн слегка кивнула, повернулась на бок и посмотрела на Цзян Чжэн. — Я не знаю, как описать это чувство... Всё в голове перемешалось, и мне страшно.

— Можешь говорить всё, что приходит в голову, я слушаю, — сказала Цзян Чжэн.

— Хорошо. — Чаншэн начала. — Мама умерла, когда мне было два года, и у меня нет никаких воспоминаний о ней. Но отец рассказывал нам, что мама была очень смелой. В юности она одна путешествовала по многим местам континента Айэрхэ, видела множество удивительных вещей и людей. Именно поэтому в её сердце осталось что-то, что она не могла забыть. И наши с Мин Ло имена пришли из тех далёких стран, которые она посещала...

Она замолчала на мгновение, а затем продолжила:

— Раньше я всегда думала, откуда взялось моё имя — Чаншэн. И только сегодня узнала, что у эльфов, которые были изолированы более двух тысяч лет, есть музыкальный инструмент под названием шэн. И как раз двести лет назад женщина с таким же именем, как у моей мамы, играла на нём.

Чаншэн горько усмехнулась:

— Я не верю в совпадения... В этом мире много людей с одинаковыми именами, но сколько из них путешествовали так же много и были так же сильны?

— Если мама действительно прожила более двухсот лет, то была ли она человеком? А если нет, то кто тогда мы с Мин Ло?

— Чаншэн...

— Мне вдруг стало страшно. Страшно, что всё, к чему я привыкла с детства, — ложь... Я ничего не знаю о маме. А отец? Он ничего не знал или помогал маме скрывать что-то от нас с братом?

— Эльфы живут около пятисот лет, жрица Люша прожила более двух тысяч лет. Хотя жизнь людей коротка, разве не может быть исключений?

Чаншэн на мгновение задумалась, затем покачала головой:

— Нет.

Цзян Чжэн удивилась. Она не ожидала, что Чаншэн так прямо её опровергнет, и на мгновение растерялась.

Через некоторое время она прикусила губу и спросила:

— Почему ты так уверена?

— Ачжэн, со мной что-то не так. — Чаншэн сжала зубы и нахмурилась. — Действительно... что-то странное.

— ...

— Я будто... стала другой.

— ...

Чаншэн, казалось, боролась с собой, несколько раз начинала говорить, но потом замолкала. В конце концов она сжала зубы, повернулась на бок, спиной к Цзян Чжэн, и замолчала.

— Ты имеешь в виду, что стала сильнее? — Цзян Чжэн сделала вид, что это неважно, и улынулась. — Это же хорошо! Теперь ты сможешь справляться со всеми, кто посмеет тебя перечить. Кто бы ни начал хулиганить перед тобой, ты сможешь схватить его, как мусор, и выбросить, а он будет плакать и умолять о пощаде!

Чаншэн долго молчала, затем тихо сказала:

— Да...

Ночь была тихой. Цзян Чжэн подвинулась ближе к Чаншэн, взяла её руку и, как подушку, прижала к себе.

Чаншэн лежала на боку, но теперь, когда Цзян Чжэн забрала её руку, ей стало неудобно, и ей пришлось повернуться на спину, с недоумением и смехом глядя на Цзян Чжэн.

— Что ты так на меня смотришь? — сказала Цзян Чжэн, обнимая руку Чаншэн ещё крепче. — Не будь такой жадиной, мне не спится, и я чувствую себя незащищённой. Что плохого в том, что я обнимаю твою руку?

— И ты чувствуешь себя защищённой, когда обнимаешь меня?

— Ну, более или менее. Тонкая ручка нашей Сяо-Сун-сун на ощупь довольно крепкая. — Цзян Чжэн закрыла глаза. — Не думай слишком много, давай спать.

— Если я не человек, ты будешь меня бояться?

— Если ты не человек, то кто тогда?

— Я не знаю...

Цзян Чжэн с недовольством открыла глаза:

— Хорошо, тогда я тебя спрошу. Ты боялась меня, когда я не была человеком?

Чаншэн подумала и ответила:

— Вначале... немного...

— Ты слишком прямолинейна! — Цзян Чжэн засмеялась и покачала головой. — В общем, я скажу так: кем бы ты ни была — эльфом, демоном или монстром, — ты останешься самым дорогим для меня другом в этом мире.

Чаншэн улыбнулась:

— Эх, даже не знаю, стоит ли тронуться, ведь кто-то раньше была обманщицей.

— Эх, обманщица искренне говорит принцессе правду, а та ей не верит. — Цзян Чжэн с

недовольством играла с рукой Чаншэн, сгибая и разгибая её пальцы, словно пытаюсь вывести какой-то фигурный узор. Чаншэн позволяла ей это делать.

Прошло некоторое время, и обе заснули. Проснулись они уже под ярким солнцем.

Когда они вышли из комнаты, то увидели, что Слепой и Баоцзы уже готовы к пути и только ждут, когда они проснутся.

— Как долго вы ждали?

— Не слишком долго, — сказал Слепой, а Баоцзы молча дополнил его жестами, указав на восход солнца, затем на солнце в зените и, наконец, разведя руками, покачал головой.

Цзян Чжэн не раздумывая переложила всю вину на Чаншэн:

— Это всё из-за неё! Вчера она заставила меня разговаривать и не давала спать, поэтому я сегодня так поздно встала!

— Правда? — Чаншэн многозначительно посмотрела на Цзян Чжэн, улыбнулась, взяла рюкзак и пошла впереди всех.

Цзян Чжэн скорчила рожу вслед Чаншэн, потянулась и, делая вид, что делает зарядку, размяла шею.

Её взгляд скользнул назад, и она увидела знакомую фигуру, стоящую вдалеке. Когда их взгляды встретились, тот человек поднёс палец к губам, требуя тишины, а затем махнул рукой в знак прощания.

Немного подумав, Цзян Чжэн тоже помахала ему и быстрым шагом пошла догонять Чаншэн и остальных.

Возможно, она теперь понимала, почему они не встретили сопротивления со стороны эльфов.

Четверо путников провели в Воду более двух месяцев.

Эти дни, наполненные постоянным страхом и спешкой, заставили Цзян Чжэн, которая при жизни не могла гулять больше пары часов, по-настоящему почувствовать, что такое «жить без радости».

Она была жива, могла есть, но еда была невкусной, могла спать, но сон был беспокойным, могла разговаривать, но собеседников было мало — в основном только Чаншэн, Слепой и Баоцзы.

Хотя весна уже была близко, погода всё ещё была холодной, и снег не прекращался. Холод, сильный ветер и трудный путь.

Думая об этом, Цзян Чжэн начала жалеть, что так рано обрела тело. Она даже начала скучать по своей форме призрака.

— Знала бы, что нужно было сначала пройти этот путь, а потом уже оживать... Теперь боюсь, что умру от усталости...

Хотя, если бы ей пришлось снова стать призраком, она бы наотрез отказалась. Ведь она обладала силой Бессмертной Птицы, и это было сокровище, которое однажды могло сделать её

богатой.

Однако, несмотря на то что сила Бессмертной Птицы была велика, без умения её использовать она была бесполезна. Поэтому на протяжении всего пути Слепой, немного разбирающийся в магии, учил Цзян Чжэн, как управлять этой силой.

Теперь она хотя бы могла использовать её, чтобы избавиться от лёгкого дискомфорта в теле.

Покинув Воду, защищённый иллюзорным барьером, перед ними открылась безлюдная равнина.

Слепой сказал, что им предстоит идти на север ещё долго, прежде чем они достигнут снежных равнин Вагэлуна.

Продолжая путь, Слепой добавил:

— В этих местах иногда появляются зверолюды, будьте осторожны.

— Зверолюды? Какие зверолюды здесь обитают? С головами животных и телами людей или огромные, с зелёными лицами и клыками? — Цзян Чжэн представляла звероловцов по книгам и фильмам, где они могли быть милыми, например, кошками, собаками или кроликами...

Однако Баоцзы сказал ей:

— Думаю, это те, что огромные, с зелёными лицами и клыками. Я читал в книгах, что высокие зверолюды могут быть в два раза выше меня!

— О, это не так уж много, ты ведь... — Цзян Чжэн хотела сказать, что два гнома, поставленные друг на друга, не так уж высоки, но затем вспомнила, что Баоцзы, хотя и низкий, всё же был около 140 см. Два Баоцзы... Она сглотнула и сказала:

— Такие большие?

— Да. — Чаншэн подтвердила.

Зелёные лица, клыки, огромные и страшные — образ звероловцов возник в воображении Цзян Чжэн, которая никогда их не видела, и она сразу же встала рядом с Баоцзы:

— Давай бояться вместе!

Храбрость была уделом только Чаншэн и Слепого, которые были сильны и уверены в себе.

<http://bllate.org/book/16480/1497235>